

Е. В. Скуднякова

ТУРГЕНЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА В ПРОЗЕ Ю. П. КАЗАКОВА: ГЕРОИ С «ВНУТРЕННЕЙ ЦЕЛЬНОСТЬЮ»

*Московский государственный университет технологий и управления
им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается тургеневская традиция в изображении природы и человека в творчестве Ю. П. Казакова. Актуальность данной работы определяется обращением к малоизученному аспекту литературной традиции Тургенева – героям с «внутренней цельностью» в поэтике рассказов Ю. П. Казакова. Помимо этого, исследование тургеневской традиции в наследии писателей XX века находится в фокусе интересов современного сравнительно-исторического литературоведения.

Материалом для изучения стали рассказы Ю. П. Казакова: «Некрасивая», «Арктур – гончий пес», «В тумане», «Вон бежит собака!», «Осень в дубовых лесах», «Плачу и рыдаю», «Свечечка». В работе применялись сравнительно-сопоставительный метод, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Отмечается, что у писателей есть определенное сходство в философском понимании природы. У Ю. П. Казакова и его литературного предшественника она представлена в двух ипостасях. Первая – величественная, безразличная к человеку. Вторая – красивая, возвышенная, благосклонная к человеку. В прозе Ю. П. Казакова выявляются и анализируются персонажи второго типа (в соответствии с классификацией М. О. Гершензона, которая разрабатывалась и рассматривалась на примере произведений И. С. Тургенева), с характерным для них внутренним принятием природы во всех ее ипостасях.

Ключевые слова: *литературная традиция, И. С. Тургенев, Ю. П. Казаков, природа, человек, персонажи с «внутренней цельностью»*

Е. V. Skudnyakova

TURGENEV'S TRADITION IN THE DEPICTION OF NATURE AND MAN IN THE WORKS OF YU. P. KAZAKOV: CHARACTERS WITH "INTERNAL INTEGRITY"

*K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(the First Cossack University), Moscow, Russia*

Abstract. The article explores Turgenev's tradition in the depiction of nature and man in the prose by Yu. P. Kazakov. The relevance of this work is determined by an appeal to an insufficiently studied aspect of Turgenev's literary tradition, heroes with "inner integrity" in the poetics of Yu. P. Kazakov's short stories. Moreover, the study of the Turgenev tradition in the legacy of 20th-century writers is a focus of interest in contemporary comparative-historical literary studies.

The material for the study was the stories of Yu. P. Kazakov ("Ugly", "Arcturus the Hound Dog", "In the Fog", "There Runs the Dog!", "Autumn in the Oak Forests", "Crying and Crying", "Candle". The research employed a comparative and contrasting method, as well as a holistic analysis of the literary work.

It is stressed that it is the philosophical reflection on nature that brings the writers together. I. S. Turgenev and his literary successor depict it in two images. The first is eternal, omnipotent, and indifferent to people. The second is beautiful, spiritualized, and exists in a harmonious connection with people. In Yu. P. Kazakov's prose, characters of the second type are identified and analyzed (in accordance with the classification of M. O. Gershenzon, which was developed and considered using the example of the works of I. S. Turgenev), with their characteristic inner acceptance of nature in all its hypostases.

Keywords: *literary tradition, I. S. Turgenev, Yu. P. Kazakov, nature, man, characters with “internal integrity”*

Введение. И. С. Тургенев всегда волновал вопрос, как природа и человек сосуществуют друг с другом. В своем творчестве он изображал природу в двух обликах. Первый облик – «от века движущаяся, от века преходящая», который «не терпит ничего бесмертного» («Довольно») [22, т. 7, с. 228]. Природа – «всеобщая мать», но у нее «нет предпочтений»: «...Она создает, разрушая, и ей всё равно <...> лишь бы не переводилась жизнь...» («Довольно») [22, т. 7, с. 228, 229]. В повести «Поездка в Полесье»: «“Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть”» [23, т. 5, с. 130]. Второй – прекрасная, благосклонная к человеку («Хорь и Калиныч», «Касьян с Красивой Мечи» и др.). В соответствии с двумя обликами природы в наследии писателя М. О. Гершензон («Мечта и мысль Тургенева») разработал типологию персонажей: 1) с «раздвоенной душой», 2) с «внутренней цельностью» [4, с. 49, 42].

И. С. Тургенев по праву считается выдающимся русским писателем второй половины XIX в., чьи литературные традиции (в том числе понимание и изображение природы, осмысление места в ней человека) активно развивались в творчестве художников слова XX в. (Б. Зайцев, К. Г. Паустовский, Ю. П. Казаков, М. М. Пришвин, И. Соколов-Микитов и др.). В связи с этим указанная проблема в прозе Ю. П. Казакова рассматривалась учеными с разных точек зрения. Так, Т. П. Голованова отмечала, что художественное наследие И. С. Тургенева «оказывалось созвучным мыслям и чувствам его потомков» [5, с. 20]. По Т. П. Головановой, Ю. П. Казакову было очень близко тургеневское понимание природы.

В XX в. были исследования, где четко указывалась литературная связь между творчеством И. С. Тургенева, К. Г. Паустовского и Ю. П. Казакова [19], [12], [8], [6]. С точки зрения В. Е. Ковского, тургеневская традиция «пейзажной живописи» была унаследована изначально К. Г. Паустовским, которая «уже через него передается Ю. Казакову» [12, с. 335]. Похожее мнение высказывал также и А. Ф. Измайлов [8, с. 116]. Т. Г. Джалилова считала, что последователями великого классика были также М. М. Пришвин и И. Соколов-Микитов [6].

В целом достаточно большое количество исследователей отмечали влияние литературных традиций (включая тургеневскую) на прозу Ю. П. Казакова в следующих аспектах: жанр, метод, манера письма [10], [24], [17], [14], [16], [15], [18], [3]. Например, Е. Клепикова писала, что Ю. П. Казаков в своем творчестве продолжал развивать «тип рассказа, обработанный до чеканной структурности поколениями художников в приблизительном диапазоне от Тургенева до Бунина» [10, с. 260]. И другие ученые высказывали схожее мнение [24], [16]. А. А. Нинов справедливо отмечал: «В первых же его рассказах видна школа, которую он проходил в общении с русской классикой – от Тургенева до Пришвина. Эта школа обнаруживается в благородной красоте и живописности русского языка, точности стилистического приема, развитом чувстве художественной меры, особенно важном для рассказчика» [18, с. 332]. По Е. Ш. Галимовой, художественной манере Ю. П. Казакова были присущи черты импрессионизма [3].

О. Ф. Кобелева рассматривала преломление тургеневского осмысления природы в творчестве Ю. П. Казакова [11]. К. Т. Байниева пришла к выводу, что рассказы Ю. П. Казакова («На полустанке», «Трали-вали», «Нестор и Кир») схожи с тургеневскими («Свидание», «Певцы», «Хорь и Калиныч») темами и сюжетами. В диссертации также подчеркивалось, что обоих писателей объединяет понимание природы «как высшей нравственной и эстетической ценности» [1, с. 11].

Н. А. Куделько в своем диссертационном исследовании отмечала: «...Своеобразие художественного метода Тургенева – реализма, обогащенного романтическими чертами, – во многом определило возникновение и развитие романтических и импрессионистических стилевых тенденций в русской литературе XX века» [13, с. 13]. С ее точки зрения,

яркими последователями русского классика были Б. К. Зайцев, К. Г. Паустовский и Ю. П. Казаков. Н. А. Куделько видела общее у Тургенева и Казакова в «отношении к природе, ее красоте как мерилу духовной сущности героев», в осмыслении природы (противостояние «человека и “вечной Изиды”» и «единение человека и природы») [13, с. 25, 27].

В современной науке о литературе работы по изучению тургеневских традиций в прозе Ю. П. Казакова единичны. Данная проблема рассматривалась автором настоящей статьи на материале рассказов «Тихое утро», «Песни леса», «Ночь», «На охоте», «Нишкины тайны», «Скрип-скрип» [21].

Среди зарубежных литературоведов (преимущественно китайских) также наблюдается интерес к поставленной проблеме, но они анализировали тургеневские традиции на примере национальной литературы [20], [2], [7]. Например, Жэнь Сяосюань в своем диссертационном исследовании рассматривала влияние цикла И. С. Тургенева «Стихотворения в прозе» «на творчество китайских писателей XX века» (Сюй Дишаня, Лу Синя, Ба Цзиня) [7, с. 3].

Исходя из этого можно утверждать, что в рассказах Ю. П. Казакова прослеживаются тургеневские традиции, которые реализуются в способах воплощения природы и образов персонажей, специфике метода, стилистике жанра и др.

Цель работы – проанализировать персонажи с «внутренней цельностью» (второй тип по М. О. Гершензону) в поэтике рассказов Ю. П. Казакова [4, с. 42]. Впервые М. О. Гершензон (Мечта и мысль И. С. Тургенева) выявил и рассмотрел данный тип героев на примере творчества И. С. Тургенева. В основу своей классификации ученый положил присутствие или отсутствие в персонаже «внутренней цельности», «цельности духа» [4, с. 42, 69]. Таким образом, в контексте проблемы взаимоотношения человека и природы исследователь выделил два типа героев: 1) те, что утратили «цельность духа» (они находятся в дисгармонии с природой и ее законами, ощущают «раслад с жизнью, с природою»); 2) те, у которых была «внутренняя цельность» (живут с природным миром в гармонии) [4, с. 69, 49, 42].

Тургеневское осмысление природы во многом находило отклик у Ю. П. Казакова. Поэтому в его прозе взаимодействие человека и природы также представлено двояко. С одной стороны, дисгармония человека с равнодушной природой, с другой – гармоничная взаимосвязь с ней. Этим литературным влиянием и объясняется присутствие в рассказах Ю. П. Казакова героев с «внутренней цельностью» [4, с. 49]. Анализ героев первого типа (тургеневская традиция) в художественном наследии Ю. П. Казакова – предмет исследования наших следующих статей.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена, во-первых, необходимостью детального рассмотрения литературных традиций русского классика в поэтике рассказов Ю. П. Казакова; во-вторых, осмыслением ключевых тенденций развития русской литературы в XX в. с учетом сохранения в ней преемственности художественно-эстетических черт. Впервые в контексте тургеневской традиции анализируются герои с «внутренней цельностью» в поэтике рассказов Ю. П. Казакова [4, с. 49].

Материал и методы исследования. Материал исследования – рассказы Ю. П. Казакова: «Некрасивая» (1956), «Арктур – гончий пес» (1957), «В тумане» (1959), «Вон бежит собака!» (1961), «Осень в дубовых лесах» (1961), «Плачу и рыдаю» (1963), «Свечечка» (1973). Методы исследования – сравнительно-сопоставительный, целостный анализ художественного текста.

Результаты исследования и их обсуждение. Персонажи с «внутренней цельностью» (по М. О. Гершензону) обладают следующими характеристиками:

- 1) «здоровые, внутренне цельные люди»;
- 2) «органически едины» с природой и ее «“первобытной, нетронутой силой”»; для них лик царственной природы – «лицо матери»;

3) «гармоничность их существа чрезвычайно приближает их» «к животному миру»;

4) способны к эстетическому «созерцанию “природы”», так как сохранили «всю природную цельность» (в их «мире» «даже солнце и облака “кажется, знают, куда и зачем они плывут”» [4, с. 49, 70, 68, 69].

В рассказах Ю. П. Казакова данный тип персонажей часто предстает в образах рыболовов («Вон бежит собака!») или охотников («Арктур – гончий пес», «В тумане», «Осень в дубовых лесах», «Свечечка»). В произведении «Плачу и рыдаю» изображаются три охотника – Елагин, Хмолин и Ваня. Первый имел привычку «все время восхищаться природой», второй начал охотиться с самого детства, «только и делал всю жизнь, что стрелял»; третий – пятнадцатилетний мальчик, «с постоянной радостной улыбкой» [9, т. 1, с. 305]. В рассказе «Некрасивая» к данному типу относится сельская учительница (Соня).

Персонажи этого типа «живут» внутри природы, «они в этом мире – свои, свободно входят и выходят» [4, с. 73]. Герой-рассказчик из произведения «Арктур – гончий пес» был опытным охотником, который тонко чувствовал мир природы во всех его проявлениях. Например, он отличал «резкий запах земли» среди многих других – «осиновой коры, гниющего дерева, сырого листа» [9, т. 1, с. 141]. Герой понимал чувства и поведение слепого пса (Арктур), когда тот впервые оказался в лесу. Рассказчик искренне переживал, что Арктур не видел света солнца, зелени деревьев, блеска росы: «– Бедный ты пес! <...> Если бы ты был <...> здоровым <...>, то хозяином твоим был бы охотник» [9, т. 1, с. 132]. А когда Арктур погиб, то он посчитал, что пес был достоин «имени немеркнувшей голубой звезды!» [9, т. 1, с. 141].

Герой-повествователь из рассказа «Осень в дубовых лесах» отлично знал повадки животных. Поэтому после первого снега он представлял «мышьиные следы вокруг куч хвороста в лесу и заячьи следы возле акации, которую они так любят глодать по ночам» [9, т. 1, с. 252]. Это был заядлый охотник, его «пробирала дрожь» при одной только мысли о ружье [9, т. 1, с. 252]. В произведении «Плачу и рыдаю» у каждого из охотников было «свое любимое место» на тяге, где они ждали определенного момента – появления Венеры и свиста дрозда [9, т. 1, с. 305], так как это свидетельствовало о том, что «насталась ночь и началась иная жизнь» (появление первых вальдшнепов) [9, т. 1, с. 306].

Герои второго типа крайне восприимчивы к красоте природного пространства во всем его многообразии. Когда они наедине с природой, то чувствуют эстетическое удовольствие от созерцания ее красоты и внутреннее спокойствие. Она часто помогает им преодолеть кризисные моменты в жизни. Так, Соня («Некрасивая») испытала очень тяжелое эмоциональное потрясение, не могла плакать: «...Звук, вырвавшийся из груди, был так <...> страшен, что она испугалась, сидела окаменев» [9, т. 1, с. 42]. У девушки на душе стало легче только тогда, когда она «вдруг увидела пронзительную красоту мира» [9, т. 1, с. 43]. Природа (земля) помогла активизировать внутреннюю энергию героини: «...Какую силу и прелесть чувствовала она в себе, как легко и яростно стало ей» [9, т. 1, с. 43].

В рассказе «В тумане» Кудрявцева на охоте охватила «неожиданная и непонятная радость»: «“Может быть, это от тумана? – подумал он неясно. – Или от охоты?”» [9, т. 1, с. 119]. У него был такой сильный прилив положительных эмоций, что даже «прыгать» хотелось [9, т. 1, с. 120]. При этом герой сравнивал нахлынувшее счастье с теми чувствами, которые часто испытывал в осенний период: «...В самую мерзкую погоду вдруг голубое окно в тучах, и вот посмотришь на это голубое <...> и вспомнишь все весны и счастье...» [9, т. 1, с. 120]. И ощущение «беспричинного» счастья в открытом пространстве природы долго не покидало Кудрявцева: «Ах, как хороша ночь и до чего здорово жить!» [9, т. 1, с. 122]. Важно отметить, что это чувство заставило его иначе взглянуть на многие вещи, на душе стало светлее (думал с нежностью о жене, о примирении с ней).

Герой-повествователь из рассказа «Арктур – гончий пес» с удовольствием бродил по «могучему, нетронутому» лесу, в котором находились «глухие озера» [9, т. 1, с. 125].

Природа не подавляла его своей мощью, не вызывала болезненных размышлений. Лес – место «легкой и радостной» охоты, источник сил и эстетического наслаждения [9, т. 1, с. 135]. Он «слушал серебряный лай» и любовался «желтыми березами», «поседевшим мхом», «багряными листьями осины» [9, т. 1, с. 136]. В это мгновение герой-рассказчик особенно ярко чувствовал близость природы: «...Мне казалось, что вместе со мной его слушают затаившиеся белки, тетерева, и березы, и тесные зеленые елки...» [9, т. 1, с. 136].

Крымов («Вон бежит собака!») уезжал из Москвы (городское пространство) в свое «тайное место» за «недолгим горячным счастьем рыбака» [9, т. 1, с. 228]. Всю дорогу он только и думал «про реку, про туман» [9, т. 1, с. 233]. Только в природном пространстве «мокрых лугов» и реки он «дышал во всю грудь», ощущал себя счастливым и умиротворенным [9, т. 1, с. 228, 235]. Герой с удовольствием смотрел на огонь, плавал, «блаженно лежал на солнце» [9, т. 1, с. 237]. Перед отъездом Крымов любовался прекрасным пейзажем и думал, «что все это навсегда теперь вошло в его жизнь» [9, т. 1, с. 228, 237].

Герой-повествователь из рассказа «Осень в дубовых лесах» в счастливый момент своей жизни (перед встречей с любимым человеком) заглядывался «ярчайшим множеством» звезд, которые волшебным образом освещали водную гладь Оки, деревья и «белые камни на берегу» (пейзаж поздней осени) [9, т. 1, с. 240]. И именно в минуты единения с Природой он осознает, что самое важное в жизни – «не сколько ты проживешь», а «сколько в жизни у каждого будет таких ночей» [9, т. 1, с. 240]. В дневное время суток он созерцал увядающую красоту осеннего леса, который уже находился в плену зимнего дыхания: из-под первого снега проглядывали «поздние, едва зажелтевшие одуванчики», «стояли заледевшие последние грибы», а кое-где еще «горели» «красные шапки неопавших деревьев» [9, т. 1, с. 253]. Важно подчеркнуть, что повествователь чувствовал себя счастливым, полным творческого вдохновения и тогда, когда был «среди» северной природы, «уже погасшей и предзимней» [9, т. 1, с. 240].

В рассказе «Плачу и рыдаю» Елагин, Хмолин и Ваня считали весенний вечер охоты «прекрасным» [9, т. 1, с. 305]. В «сумеречный час» им казалось, что ход времени был «и медленным и быстрым» одновременно [9, т. 1, с. 306]. Они отчетливо наблюдали «пробуждение» природы после долгой зимы: «И лес стал вроде не так прозрачен, как вчера, ветви набухли больше прежнего, и почки стали толще...» [9, т. 1, с. 306]. Положительные эмоции переполняли охотников, когда они находились в лесном пространстве: «Они все были счастливы, замучены весной и как-то даже сонны, но знали, что это пройдет, как только они придут домой» [9, т. 1, с. 308].

Герой-рассказчик из произведения «Свечечка» восхищался красотой ранней осени: «...Тихо светит солнце, по утрам туманы <...> а как горели клены...» [9, т. 1, с. 336]. И даже поздняя осень вызывала у него положительные эмоции: «...Как прекрасно идти под дождем <...>, как тогда пахнет, и какие мокрые стволы у деревьев» [9, т. 1, с. 336].

Персонажи рассматриваемого типа часто приписывали природе человеческие свойства, потому что считали ее живой. Так, Соне казалось, что сено «нежно пахло» («Некрасивая») [9, т. 1, с. 42]. Герой-повествователь из рассказа «Арктур – гончий пес» видит, что «среди седых елей и желтеющей листвы так нежно краснеют гроздья рябины и ягоды шиповника» [9, т. 1, с. 132], а тишина в лесу казалось ему «задумчивой» [9, т. 1, с. 135]. Крымов («Вон бежит собака!») отмечал, что река «лениво извивалась по лугам и была глуха» [9, т. 1, с. 235], а в минуты сильных эмоциональных переживаний «что-то большое, красивое, печальное стояло над ним, над полями и рекой <...>, и оно страдало ему и жалело его» [9, т. 1, с. 237]. Герой-рассказчик из произведения «Осень в дубовых лесах» слышал, как родник «однотонно лопотал» [9, т. 1, с. 239]. Для Елагина, Хмолина и Вани («Плачу и рыдаю») весенний ручей «трепетал в овражной тьме, как струна», «стукал и чмокал, как всегда» [9, т. 1, с. 306]. Когда они возвращались с охоты домой, им чудилось, что все встречные ручьи пели «одну и ту же песню воды» [9, т. 1, с. 308]. А около

сторожки охотникам слышалось, что в лесу «что-то постанывало еле слышно», а внизу «бормотал» ручеек [9, т. 1, с. 313]. Герой-повествователь из рассказа «Свечечка» сравнивал ноябрь «с человеком, который спит» [9, т. 1, с. 336]. Он видел тепло жизни за темной и холодом последнего осеннего месяца.

В прозе Ю. П. Казакова герои второго типа нередко характеризуются с помощью образов природы (животные, растения и др.). Например, Хмолин («Плачу и рыдаю») был способен хохотать, «как леший» [9, т. 1, с. 312]. В этом произведении сами охотники описывали преображение ольхи после зимы («стала шершавой, толстой») через образ животного: «Она вся стала похожа на мохнатую гусеницу» [9, т. 1, с. 306]. Ване на одно мгновение показалось, что он увидел обгорелую корягу, похожую на лося.

Персонажи с «внутренней цельностью» видели в Природе всемогущую Владычицу, чьи законы незыблемы [4, с. 49]. Так, герои рассказа «Плачу и рыдаю» поочередно размышляли о бесконечности природных процессов. Ваня думал о вальдшнепах: «Они точно так же летали когда-то над лесами, миллионы лет назад, и леса те давно упали <...> стали каменным углем, а вальдшнепы и теперь летают» [9, т. 1, с. 309]. Хмолин говорил, что «всякая тварь сознает» приближение своей смерти, а Елагин рассуждал о неминуемости смерти («железной сволочи») [9, т. 1, с. 311]. В данном произведении просматривается тургеневское осмысление природы, царственной, но абсолютно безразличной к человеку. Несмотря на мрачные мысли, герои воспринимали природу, жизнь в целом оптимистично: «Высшее на земле есть доброта и любовь» [9, т. 1, с. 312]. Елагин искренне радовался приходу весны, которая ассоциировалась в его сознании с жизнью, постоянным обновлением природы: « – Весна! Все живет, все лезет! <...> Ну, старики, весна, жизнь! Плачу и рыдаю!» [9, т. 1, с. 313, 314]. А Ваня после всех этих разговоров «с блаженством» подумал: «Был разговор о любви, о смерти и о времени и что все это ерунда, а главное – подбить бы ему и завтра вальдшнепа или утку» [9, т. 1, с. 316]. Герой-повествователь рассказа «Свечечка» умозаключил, что «все на земле прекрасно» [9, т. 1, с. 336].

Выводы. В творчестве многих великих русских писателей присутствуют литературные традиции их предшественников или современников. А. Нинов справедливо отмечал: «За большой художественной традицией всегда стоит целый национальный мир, своеобразный и неповторимый» [18, с. 332]. Так, И. С. Тургенева по праву можно считать преемником классических традиций русской литературы – А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова. В свою очередь, традиции самого И. С. Тургенева в той или иной форме проявились, например, в художественном наследии писателей-реалистов конца XIX начала XX вв. – изображении «лишнего человека» (А. Н. Островский, А. П. Чехов, А. Н. Толстой и др.). Тургеневские традиции наблюдаются и в произведениях художников слова XX и XXI вв.

Ю. П. Казакова и И. С. Тургенева сближает осмысление темы природы (красота и одухотворенность русской природы, ее глубокая связь с человеком на эстетическом и нравственном уровнях), типы характеров (герои второго типа по классификации М. О. Гершензона). В поэтике рассказов Ю. П. Казакова данный тип персонажей представлен охотниками (Елагин, Хмолин, Ваня – «Плачу и рыдаю», Кудрявцев – «В тумане»; герои-повествователи – «Арктур – гончий пес», «Осень в дубовых лесах», «Свечечка»), рыболовами (Крымов, «Вон бежит собака!»), а также учительницей Соней («Некрасивая»). Эти герои обладают «цельностью духа» и ощущают себя органичной частью природного пространства [4, с. 69].

ЛИТЕРАТУРА

1. Байниева К. Т. Традиции и новаторство в творчестве Ю. П. Казакова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. – М., 1993. – 16 с.
2. Ван Лие И. С. Тургенев в восприятии классиков китайской литературы XX века // Балтийский филологический курьер. – 2004. – № 4. – С. 312 – 320.

3. Галимова Е. Ш. Художественный мир Юрия Казакова. – Архангельск : Изд-во Поморск. ун-та, 1992. – 174 с.
4. Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева. – М. : Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. – 170 с.
5. Голованова Т. П. Тургенев и советская литература // Русская литература. – 1968. – № 4. – С. 20 – 34.
6. Джалилова Т. В. Традиции лирической прозы И. С. Тургенева в советской литературе : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01; 10.01.02. – Баку, 1990. – 29 с.
7. Жэнь Сяосюань «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева: поэтика сквозь призму восприятия китайской литературой : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 5.9.1. – М., 2022. – 33 с.
8. Измайлов А. Ф. Наедине с Паустовским. – Л. : Наука, 1990. – 136 с.
9. Казаков Ю. П. Странник. Собрание сочинений: В 3 т. – М. : Русский Мир, 2023, Т. 1. – 384 с.
10. Клепикова Е. Север сокровенный // Новый мир. – 1974. – № 7. – С. 260 – 264.
11. Кобелева О. Ф. Традиции И. С. Тургенева в современной литературе (на материале произведений Д. Гранина, Ю. Казакова, В. Солоухина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Днепропетровск, 1992. – 19 с.
12. Ковский В. Е. Реалисты и романтики: Из творческого опыта русской советской классики. – М. : Художественная литература, 1990. – 383 с.
13. Куделько Н. А. Традиции поэтики И. С. Тургенева в русской литературе XX века (Б. К. Зайцев, К. Г. Паустовский, Ю. П. Казаков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. – М., 2005. – 41 с.
14. Кузнецова А. А. Проза Ю. П. Казакова : Проблематика и поэтика : дис ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Тверь, 2001. – 185 с.
15. Кузьмичев И. С. Юрий Казаков : набросок портрета. – Л. : Советский писатель, 1986. – 272 с.
16. Локтионова Н. П. Традиции лирической прозы в творчестве Юрия Казакова // Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». – Ярославль : Ремдер, 2015. – С. 218 – 223.
17. Недзвецкий В. А. Возврат к жизни. Лирическая новеллистика Юрия Казакова // Литература в школе. – 2001. – № 2. – С. 20-25.
18. Нинов А. А. Юрий Казаков // Сквозь тридцать лет : Проблемы. Портреты. Полемика. 1956–1986. – Л. : Советский писатель, 1987. – С. 331 – 360.
19. Пудожгорский В. К. Путешествие в прекрасное. – Вологда : Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1974. – 85 с.
20. Сай На. Творчество И. С. Тургенева и китайская литература XX века: тенденции и динамика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – М., 2018. – 32 с.
21. Скуднякова Е. В. Тургеневская традиция в творчестве Ю. П. Казакова: природа и человек // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2025. – № 2 (127). – С. 35 – 42. – DOI 10.37972/chgru.2020.109.4.015.
22. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – М. : Наука, 1981, Сочинения : в 12 т. – Т. 7. – 559 с.
23. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. – М. : Наука, 1980, Сочинения : в 12 т. – Т. 5. – 543 с.
24. Чекулина Н. А. Лирическая проза Ю. П. Казакова (проблематика и жанровые особенности) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. – Ташкент, 1983. – 185 с.

Статья поступила в редакцию 28.01.2026

REFERENCES

1. Bajnieva K. T. Tradicii i novatorstvo v tvorchestve Yu. P. Kazakova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.02. – М., 1993. – 16 s.
2. Van Lie I. S. Turgenev v vospriyatii klassikov kitajskoj literatury XX veka // Baltijskij filologicheskij kur'er. – 2004. – № 4. – S. 312 – 320.
3. Galimova E. Sh. Hudozhestvennyj mir Yuriya Kazakova. – Arhangel'sk : Izd-vo Pomorsk. un-ta, 1992. – 174 s.
4. Gershenzon M. O. Mechta i mysl' I. S. Turgeneva. – М. : Knigoizdatel'stvo pisatelej v Moskve, 1919. – 170 s.
5. Golovanova T. P. Turgenev i sovetskaya literatura // Russkaya literatura. – 1968. – № 4. – S. 20 – 34.
6. Dzhaililova T. V. Tradicii liricheskoy prozy I. S. Turgeneva v sovetskoj literature : avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01; 10.01.02. – Baku, 1990. – 29 s.
7. Zhen' Syaosyuan' «Stihotvoreniya v proze» I. S. Turgeneva: poetika skvoz' prizmu vospriyatiya kitajskoj literatury : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 5.9.1. – М., 2022. – 33 s.
8. Izmajlov A. F. Naedine s Paustovskim. – L. : Nauka, 1990. – 136 s.
9. Kazakov Yu. P. Strannik. Sbranie sochinenij: V 3 t. – М. : Russkij Mir", 2023, T. 1. – 384 s.
10. Klepikova E. Sever sokrovennyj // Novyj mir. – 1974. – № 7. – S. 260 – 264.

11. Kobeleva O. F. Tradicii I. S. Turgeneva v sovremennoj literature (na materiale proizvedenij D. Granina, Yu. Kazakova, V. Solouhina) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – Dnepropetrovsk, 1992. – 19 s.
12. Kovskij V. E. Realisty i romantiki: Iz tvorcheskogo opyta russkoj sovetskoj klassiki. – M. : Hudozhestvennaya literatura, 1990. – 383 c.
13. Kudel'ko N. A. Tradicii poetiki I. S. Turgeneva v russkoj literature XX veka (B. K. Zajcev, K. G. Paustovskij, Yu. P. Kazakov) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01. – M., 2005. – 41 s.
14. Kuznecova A. A. Proza Yu. P. Kazakova : Problematika i poetika : dis ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – Tver', 2001. – 185 s.
15. Kuz'michev I. S. Yuriy Kazakov : Nabrosok portreta. – L. : Sovetskij pisatel', 1986. – 272 s.
16. Loktionova N. P. Tradicii liricheskoy prozy v tvorchestve Yuriya Kazakova // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Slavyanskaya kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XVI Kirillo-Mefodievskie chteniya». – Yaroslavl' : Remder, 2015. – S. 218 – 223.
17. Nedzveckij V. A. Vozvrat k zhizni. Liricheskaya novellistka Yuriya Kazakova // Literatura v shkole. – 2001. – № 2. – S. 20-25.
18. Ninov A. A. Yuriy Kazakov // Skvoz' tridcat' let : Problemy. Portrety. Polemika. 1956–1986. – L. : Sovetskij pisatel', 1987. – S. 331 – 360.
19. Pudzhgorskij V. K. Puteshestvie v prekrasnoe. – Vologda : Izd-vo Vologod. gos. ped. in-ta, 1974. – 85 s.
20. Saj Na. Tvorchestvo I. S. Turgeneva i kitajskaya literatura XX veka: tendencii i dinamika : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – M., 2018. – 32 s.
21. Skudnyakova E. V. Turgenevskaya tradiciya v tvorchestve Yu. P. Kazakova: priroda i chelovek // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2025. – № 2 (127). – S. 35 – 42. – DOI 10.37972/chgpu.2020.109.4.015.
22. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. – M. : Nauka, 1981, Sochineniya : v 12 t. – T. 7. – 559 s.
23. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : V 30 t. – M. : Nauka, 1980, Sochineniya : v 12 t. – T. 5. – 543 s.
24. Chekulina N. A. Liricheskaya proza Yu. P. Kazakova (problematika i zhanrovye osobennosti) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.02. – Tashkent, 1983. – 185 s.

The article was contributed on January 28, 2026

Сведения об авторе

Скуднякова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета), г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-6975-1852>, elenaskudnakova@gmail.com

Author Information

Skudnyakova, Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6975-1852>, elenaskudnakova@gmail.com